

Н.Б. Бурдо

ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ ТРИПОЛЬСКОГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА

Представляется, что значимость личности ученого, его научный авторитет всегда имели большое значение для внедрения генерируемых им идей. Это хорошо можно проследить, анализируя историю изучения трипольского домостроительства. Собственно проблема трипольского домостроительства сводится к интерпретации площадок, имеет длинную историю, и остается дискуссионной до сегодняшнего дня. Свой след в ее изучении оставили как очень известные, так и мало известные, а иногда и почти забытые личности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: история археологии, научные концепции, интерпретация находок, домостроительство, Триполье — Кукутень.

Исследование проблемы трипольского домостроительства фактически начинается с раскопок В.В. Хвойкой первых памятников трипольской культуры в окрестностях местечка Триполье на Киевщине. С момента открытия Триполья внимание привлекали не только невиданные до сих пор на этих землях находки, но и объекты в виде скоплений обожженной глины, названные В.В. Хвойкой «площадками» [Бурдо, 2006, с. 17—21]. Подробный анализ историографии проблемы излагался неоднократно [Зиньковский, 1975; Бурдо, 2007]. Отдельные исследования освещают вклад в изучение трипольского домостроительства таких ярких фигур первоначального периода изучения Триполья, как В.В. Хвойка [Бурдо, 2003а] и Ф.К. Волков [Радієвська, 2011, с. 219, 222]. Концепция домостроительства Кричевского — Пассек, подробно изложенная в монографии, посвященной трипольским площадкам [Кричевський, 1940], нашла отражение в

многочисленных работах трипольеведов 40—60 годов XX в. Е.Ю. Кричевский и Т.С. Пассек на момент формулировки основных положений своей концепции в 40-х годах XX в. были уже весьма известными и авторитетными специалистами. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, сыграло важную роль в тотальном ее распространении. Отметим, что их концепция была сформирована преимущественно на основе раскопок поселений на территории Украины, изученных в ходе работ Трипольской экспедиции, которую с 1937 г. возглавляла Т.С. Пассек [Відейко, 2004а, с. 541].

Появление новой концепции трипольского домостроительства связано с другими личностями и с исследованиями трипольских памятников в Молдавии, где на тот момент также работала Молдавская археологическая экспедиция ИА АН СССР под руководством Т.С. Пассек [Дергачов, 2004, с. 352—353]. Участником этой экспедиции был В.И. Маркевич, который в 1964 на момент первой публикации основной идеи, позволившей по-другому интерпретировать площадки, еще не был кандидатом исторических наук, хотя и успел открыть десятки археологических памятников в Молдавии. В 1960 г. В.И. Маркевич становится сотрудником Института археологии и этнографии Академии наук Молдавской ССР и возглавляет отряд Молдавской археологической экспедиции, проводившей раскопки поселения Варваровка VIII (1960—1962, 1968 гг.). В результате этих работ появилась оригинальная интерпретация площадок как остатков потолочных перекрытий построек, ставшая основой новой концепции трипольского домостроительства. Идеи В.И. Маркевича впервые нашли отражение в публикации в тезисном порядке в материалах

Первого симпозиума по археологии и этнографии ЮЗ СССР в 1964 г., когда исследователем были изложены наблюдения, полученные им при раскопках площадок [Маркевич, 1964]. Несколько позже интерпретация площадки как потолочного перекрытия была предложена В.И. Маркевичем при публикации результатов раскопок поселения Варваровка XV в 1969 г. [Маркевич, 1970; 1972]. Сам В.И. Маркевич полагал, что в результате проведенных им работ на поселениях Варваровка VIII и Брынзены III (начало раскопок — 1970 г.) им «было выдвинуто и аргументировано положение о двухэтажном домостроительстве у трипольцев Днестровско-Прутского района» [Маркевич, 1981, с. 9], представленное в публикации 1973 г. [Маркевич, 1973].

Из приведенной выше цитаты видно, что В.И. Маркевич, собственно первоначально и не претендовал на создание новой концепции трипольского домостроительства, а выдвинутые им положения относились исключительно к исследованным им лично площадкам на севере Молдавии. Такой региональный подход сохраняется и в дальнейшем, в частности в его монографии, вышедшей в 1981 г. Там, в соответствующем разделе, В.И. Маркевич акцентирует внимание, прежде всего на том, что его наблюдения касаются «способа строительства жилищ» на трипольских поселениях Пруто-Днестровского междуречья. Он особо подчеркивал, что не оспаривает выводов Т.С. Пассек, сделанных на основании раскопок в Поднепровье [Маркевич, 1981, с. 76].

В этой монографии В.И. Маркевич подробно излагает аргументы, позволяющие ему утверждать, что исследованные в Молдавии площадки являются остатками глиняно-деревянных чердачных или межэтажных перекрытий домов, погибших при пожаре [Маркевич, 1981, с. 76-85]. Обжиг строительных остатков не объяснялся В.И. Маркевичем, который упоминал вскользь о пожаре. В главе, посвященной земледелию, В.И. Маркевич высказывает мысль, что переселения трипольцев были связаны с истощением почв вокруг поселения, имели циклический характер, а ритуал сожжения поселения был своеобразным жертвоприношением [Маркевич, 1981, с. 139].

В работе 1990 г. В.И. Маркевич распространяет прослеженные им наблюдения по домостроительству на севере Молдавии на всю культуру Триполье — Кукутень и высказывает ряд доводов в пользу интерпретации площадки как потолочных перекрытий [Маркевич, 1990, с. 47—50].

Следует отметить, что в дальнейшем многие исследователи трипольских поселений различных регионов Украины подтвердили правильность принципа интерпретации площадок, предложенного В.И. Маркевичем, хотя конкретные детали построек, интерьер и способы

сооружения были весьма разнообразны [Відейко, 2000, с. 6 — 54; Ришов, 2002, с. 19—24; 2004, с. 54—61, 65—71].

Обзор публикаций В.И. Маркевича, посвященный проблеме домостроительства позволяет говорить о том, что его вклад в новую концепцию домостроительства весьма велик. Во-первых, именно он усомнился в правильности концепции Кричевского — Пассек и предложил идею, как по-новому интерпретировать площадки. Во-вторых, В.И. Маркевич усовершенствовал методику раскопок площадок и фиксации данных, что и позволило в дальнейшем иным исследователям уже при изучении других памятников убедительно доказать правильность его взглядов.

В конце 60-х и в 70-е годы XX ст. раскопки трипольских памятников в Молдавии осуществляли Молдавская экспедиция Института археологии АН СССР под руководством Е.К. Черныш и Молдавская неолитическая экспедиция под руководством В.И. Маркевича. В ходе исследований, проводившихся этими экспедициями в прудо-днестровском междуречье, в первую очередь поселений Раковец, Новые Дуруиторы [Маркевич, Черныш 1976] совершенствовалась методика раскопок жилищ, и сформировались главные положения новой интерпретации трипольских площадок и двухэтажного домостроительства. Таким образом, новая концепция трипольского домостроительства и методика исследования строительных остатков выработывалась коллективом специалистов из разных научных центров.

В том, что идеи В.И. Маркевича легли в основу новой концепции домостроительства и получили широкое распространение, велика заслуга Е.К. Черныш, ближайшей сотрудницы Т.С. Пассек. Именно благодаря поддержке Е.К. Черныш, обладавшей значительным опытом полевой работы на трипольских поселениях и пользовавшейся большим научным авторитетом, интерпретация площадки, как потолочного перекрытия, а не настила, уложенного на землю, получила право на существование. Хотя новые идеи, как всегда, трудно совмещались с устоявшимися, «традиционными» взглядами, ставшими к тому времени уже практически «классикой» трипольеведения.

Е.К. Черныш на материалах конкретного жилища из Раковца детально проследила остатки конструкций двухэтажного глинобитного дома [Черныш, 1973], позже предложив его графическую реконструкцию [Черныш, 1982, табл. LIX, 1]. При раскопках этого поселения Е.К. Черныш впервые была введена фиксация отпечатков деревянных конструкций на глиняной обмозке [Черныш, 1973]. Вскоре принцип интерпретации площадок как потолочных перекрытий был применен Е.К. Черныш к разновременным трипольским памятникам. Пересмотр материалов

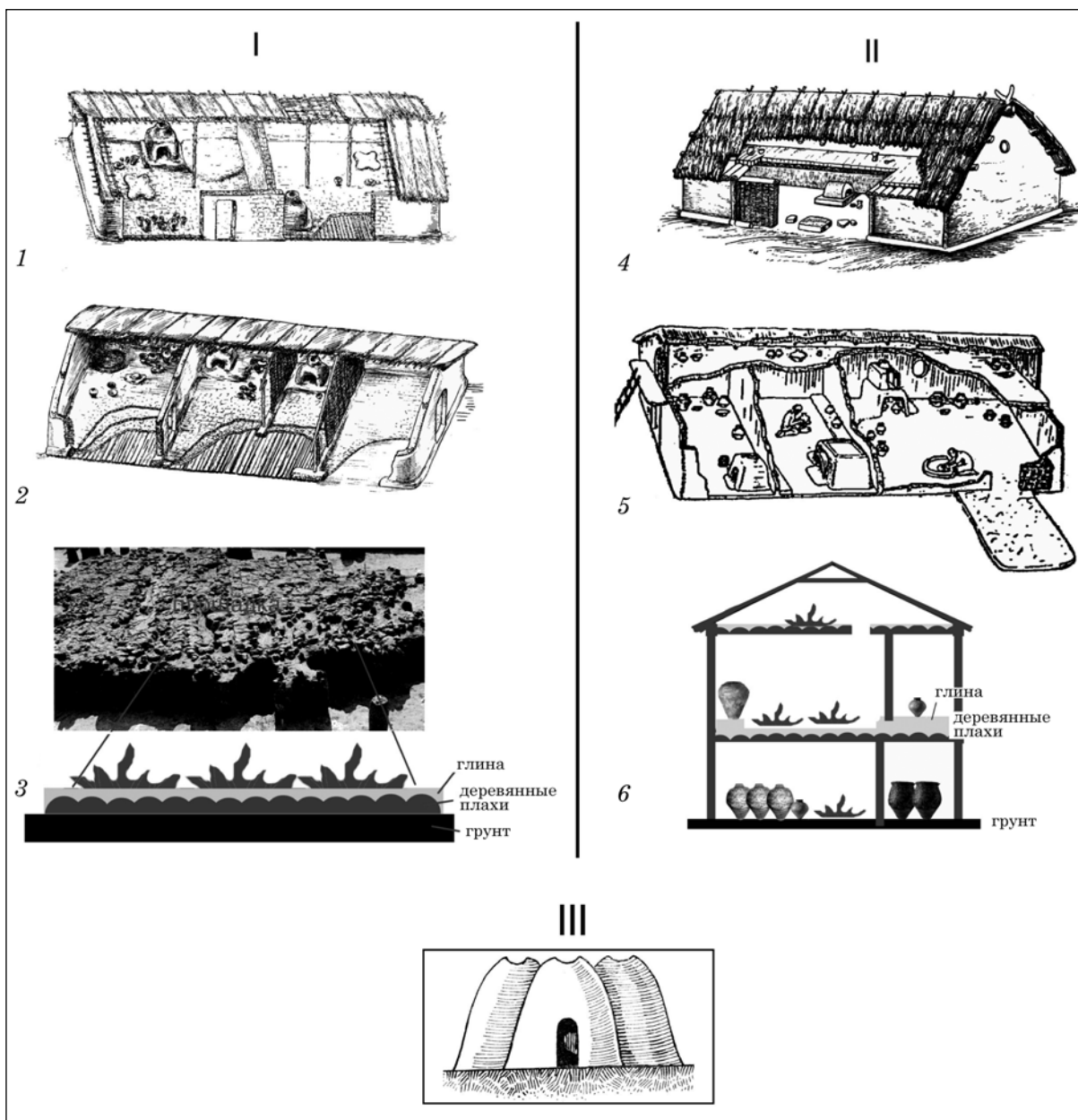

Рис. 1. Сравнение графических реконструкций построек на основании интерпретации площадок. I — в соответствии с концепцией Е.Ю. Кричевского — Т.С. Пассек: 1 — Владимировка, 2—3 — Коломыйщина (по Т.С. Пассек); II — в соответствии с концепцией В.И. Маркевича — К.В. Зиньковского: 4 — Ленковцы (по Е.К. Черныш). 5 — Варваровка 8 (по В.И. Маркевичу); III — реконструкция С.С. Гамченко

раннетрипольского поселения Ленковцы привел исследовательницу к смене их интерпретации и реконструкции постройки с чердаком [Черныш, 1982, с. 186, табл. LIX, 2]. Е.К. Черныш акцентировала внимание на разнообразии конструкций трипольских построек [Черныш, 1990], а также их схожести с гумельницкими домами.

К.В. Зиньковский, в то время студент Ленинградского университета, а с 1970 г. научный сотрудник Одесского археологического музея, в 1969 г. работал в Молдавии на раскопках под руководством Е.К. Черныш в Раковце и В.И. Маркевича в Варваровке VIII. В этих

экспедициях он ознакомился с новой идеей интерпретации площадок и методами их исследования. Материалам раскопок жилищ из Раковца была посвящена его дипломная работа, они были использованы при написании нескольких публикаций [Зиньковский, 1972; 1973], кроме того, эти разработки были учтены при экспериментальном моделировании трипольского жилища.

Главной темой исследований К.В. Зиньковского в дальнейшем стало именно трипольское домостроительство. Ей была посвящена его кандидатская диссертация, завершенная в 1983 г. [Черняков, 2004]. В 1971 г. К.В. Зиньковский

начинает раскопки раннетрипольского поселения Александровка и принимает участие в работе Трипольского разведочного отряда под руководством Н.М. Шмаглия, положившего начало изучению крупных трипольских поселений. С 1972 г. он становится участником Трипольской комплексной экспедиции под руководством Н.М. Шмаглия [Відейко, 2002, с. 22), проводившей исследования Майданецкого [Шмаглії, Дудкін, Зіньковський, 1973]. Таким образом, в начале 70-х годов идея В.И. Маркевича об интерпретации трипольских площадок, разработанная в Молдавии, трудами К.В. Зиньковского дополняется новыми фактами и начинает оформляться в новую концепцию трипольского домостроительства с использованием данных с территории Украины.

Любопытны отношения в «домостроительном треугольнике» Маркевич-Черныш-Зиньковский, в вершине которого, несомненно, была Е.К. Черныш — один из ведущих трипольцеведов из Москвы, курирующая и объединяющая в какой-то степени конкурирующие идеи В.И. Маркевича и разработки К.В. Зиньковского. В своих немногочисленных работах, связанных с проблемой домостроительства, Е.К. Черныш пишет, что новые исследования в Молдавии позволяют иначе взглянуть на интерпретацию площадок, имея в виду свой собственный взгляд, без ссылок на В.И. Маркевича, приоритет которого, однако, зафиксирован тезисами 1964 г.

В.И. Маркевич (к тому времени кандидат наук и руководитель экспедиции, но из Кишинева) и К.В. Зиньковский (научный сотрудник Одесского археологического музея, «молодой ученый», но выпускник Ленинградского университета и ученик Е.К. Черныш) иногда взаимно скупа ссылаются друг на друга. Прочного альянса явно не получилось. Однако можно утверждать, что разработка новаторской идеи В.И. Маркевича, которая на момент конца 60-х — начала 70-х годов была лишь заявлена, но не обоснована и должным образом не оформлена, была поручена Е.К. Черныш «молодому и перспективному» К.В. Зиньковскому.

Отметим также, что к идее об интерпретации площадки как перекрытия, а не настила, В.И. Маркевич и К.В. Зиньковский пришли разными путями. В.И. Маркевич во время раскопок столкнулся с невозможностью объяснить исследуемые объекты исходя из господствовавшего мнения. В отличие от него, К.В. Зиньковский первоначально изучал публикации по трипольскому домостроительству, а затем увидел несоответствие прочитанному в экспедициях в Молдавии.

Так или иначе, но в Украину новая интерпретация трипольских площадок, как и усовершенствованная методика их раскопок, родившаяся в экспедициях, исследовавших трипольские поселения в Молдавии, попали

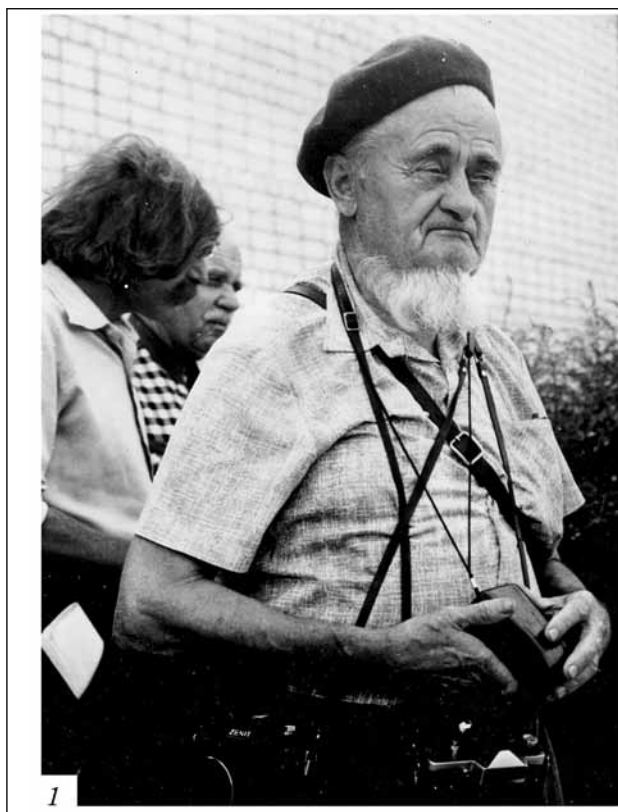
именно благодаря К.В. Зиньковскому. В 70-е годы XX в., как иногда и до сих пор, в концепции Маркевича — Зиньковского (а здесь это были только идеи К.В. Зиньковского) видели исключительно проблему двухэтажности жилищ. И некоторые полагали, что этого не было, потому что не могло быть. Но «зубрам» первобытности и С.Н. Бибикову, и В.Н. Даниленко идея понравилась, они поддержали К.В. Зиньковского, как и часть трипольцеведов в лице В.А. Круца и Н.М. Шмаглия. Тема кандидатской диссертации по проблеме трипольского домостроительства К.В. Зиньковскому была утверждена. Так Трипольская комплексная экспедиция, проводившая исследования жилищ в Майданецком, стала «кузницей кадров», где студенты знакомились с трипольскими «площадками», становились специалистами, для которых изначально была уже не «классическая» концепция трипольского домостроительства.

К.В. Зиньковский был единственным специалистом, углубленно занимавшимся проблемой трипольского домостроительства. Его взгляды, обосновывающие основные положения новой концепции домостроительства были сформулированы в нескольких фундаментальных статьях. В обобщенном виде они изложены в тексте диссертации и пока не опубликованы, поэтому их анализ достаточно важен для осмысления путей изучения проблемы трипольской архитектуры и новых исследований проблем трипольского домостроительства, не теряющих актуальности.

Важной заслугой К.В. Зиньковского является углубленная разработка общей методики исследования домостроительства, позволяющая целенаправленно и всесторонне исследовать все возможные источники [Зиньковский, 1976; 1983]. В изучении трипольских жилищ он старался придерживаться намеченной им всеобъемлющей программы, хотя не все ее направления могли быть осуществлены в должной мере. Программа предусматривала комплексный подход к изучению трипольских памятников [Зиньковский, 1990], выделение определенных уровней исследования, включала усовершенствование методов полевого и кабинетного исследования, привлечение данных этнографии, изучение строительных норм, социологические реконструкции, а также экспериментальное моделирование [Зиньковский, 1982].

К.В. Зиньковский целенаправленно исследовал не только процесс строительства, но и процесс разрушения трипольских построек под действием огня [Зиньковский, 1976].

Среди основных положений новой концепции домостроительства, сформулированных К.В. Зиньковским, упомянем интерпретацию построек, исследованных на поселении Майданецкое как жилищно-хозяйственных комплексов, а не только жилых построек. Выделение жилищно-хозяйственных комплексов,

1 — В.И. Маркевич, 1990 г.; 2 — подготовка площадки в Брынзенах к съемке фотоплана

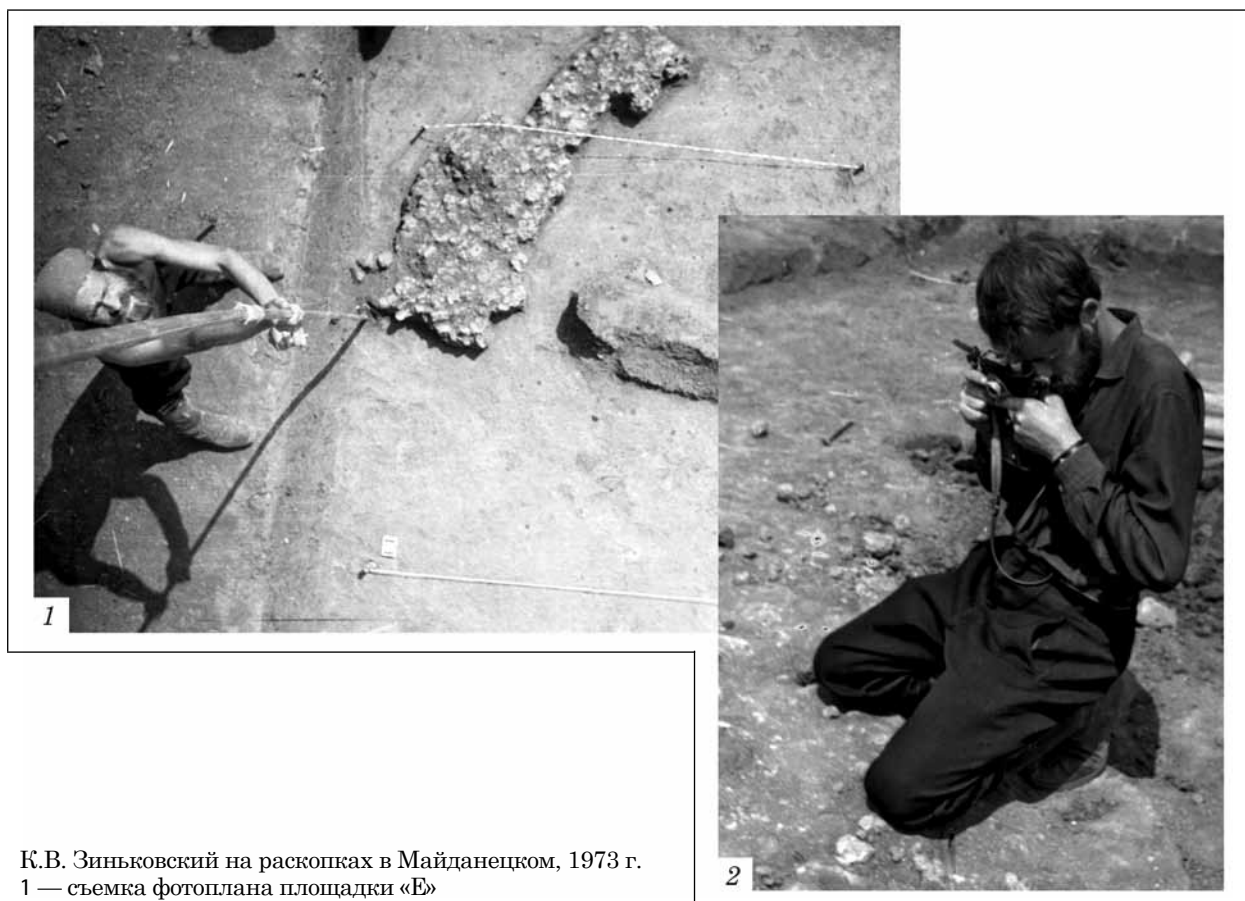
сочетающих жилые, хозяйственные и ритуальные функции имеет важное значения для моделирования социально-экономических и демографических процессов, а также структуры поселений.

К.В. Зиньковский также убедительно обосновал «двойную сущность» трипольских жилищ, когда жилые постройки превращались в ритуальный объект при совершении обряда сожжения поселения. Если В.И. Маркевич приводил информацию о пожарах в конкретных домах, то К.В. Зиньковский разработал гипотезу, согласно которой в заключительный момент жизни поселка каждый дом загружался топливом и все постройки поджигались. Именно возникший при этом шквальный огонь приводил к высокотемпературному обжигу потолочных перекрытий (700—800° и более 1000°) и расставленного в домах инвентаря, и, в конечном итоге, образованию объектов, названных площадками. По мнению К.В. Зиньковского, ритуал сожжения поселения был приурочен к моменту смены места поселка в связи с истощением земли при экстенсивном способе ведения хозяйства [Зиньковский, 1976].

Анализ данных раскопок, магнитной разведки и аэрофотосъемки позволил К.В. Зиньковскому выдвинуть предположение о том, что замкнутая система застройки домов с вертикальной структурой, характерная для крупных трипольских поселений, связана с нуждами обороны, что говорит о консолидации семей, отразившейся в устройстве поселка [Зиньковский, 1982, с. 48].

Особое внимание К.В. Зиньковский уделял поиску следов глинобитных стен, которые, как он считал, оплывали после гибели домов и постепенно растворялись в грунте. Он считал, что глинобитные стены были характерны для домостроительства Триполья в целом и практиковались во всех регионах [Зиньковский, 1976]. Однако такое предположение не соответствует фактам. Так, В.И. Маркевич реконструировал для поселений на севере Молдавии глиняные стены в виде плетня, обмазанного глиной, основываясь на остатках таких стен, выявленных при раскопках некоторых построек [Маркевич, 1981, с. 77—80]. Реконструировались также стены каркасно-столбовой конструкции [Видейко, 2002, рис. 1, 37], на основании изображения стен на керамических моделях построек. По мнению В.А. Круца, стены первого этажа построек в Тальянках были в виде деревянного сруба, а второго — из плетеного каркаса, обмазанного глиной [Круц, 2010, с. 75]. Разными авторами предлагались различные варианты конструкции стен, что выглядит более вероятным по сравнению с утверждением К.В. Зиньковского о повсеместно одинаковой их конструкции.

Впервые К.В. Зиньковским было осуществлено экспериментальное моделирование строительства и разрушения трипольской постройки. Этот эксперимент был тщательно спланирован и носил долговременный характер. К.В. Зиньковский экспериментальным путем исследовал два варианта реконструкции три-

К.В. Зиньковский на раскопках в Майданецком, 1973 г.
1 — съемка фотоплана площадки «Е»

польских построек и получил объект, напоминающий трипольские площадки в результате сжигания модели дома из Раковца в масштабе 1/10. Крыша экспериментальной постройки была моделирована на основании модели из Россоховатки [Зиньковский, 1982, с. 19—32].

Представляется, что важность разработок К.В. Зиньковского для изучения трипольского домостроительства осталась по-настоящему не осмысленной. Выработанные им основные положения новой концепции трипольского домостроительства будто растворились в десятках работ других специалистов, став, довольно быстро, как бы общим мнением, чем-то само собой разумеющимся, как авторская песня, ставшая народной.

Комплексная программа изучения трипольского домостроительства, предложенная К.В. Зиньковским, отрабатывалась в Майданецком [Бурдо, 2003а], где было раскопано 34 постройки и получены уникальные данные по архитектуре трипольских мега-поселений [Шмаглий, Видейко, 2001—2002]. К.В. Зиньковский обратил внимание на возможные различия между разными жилищно-хозяйственными комплексами крупных трипольских поселений, в том числе и в интерьере [Зиньковский, 1990, с. 75].

Отметим, что за последние 20 лет, концепция Маркевича — Зиньковского стала господ-

ствующей в интерпретации трипольских архитектурных остатков [Бурдо, 2007].

Хотя В.А. Круц, придерживающийся новой концепции домостроительства, полагает, что «собственно нового в ней было немного», так как «двухэтажность трипольских построек предполагал еще В.В. Хвойка, а деструктивность огня — С.С. Гамченко» [Круц, 2010, с. 74]. Однако, такая оценка, исходящая из формального подхода, к тому же несколько тенденциозно подающая факты, весьма поверхностна и требует внесения ясности.

Информация о том, что В.В. Хвойка предполагал двухэтажность трипольских построек, была впервые подана именно К.В. Зиньковским, проштудировавшим всю литературу по трипольским площадкам. Вскользь высказанное предположение первооткрывателя Триполья¹ о конструкции «усыпальниц», которыми он считал площадки, использовалось авторами новой концепции домостроительства исключительно с целью усиления своей аргументации таким авторитетным именем.

1. «Наружный вид этих памятников был различен»... в том числе и «в виде четырехугольника, прикрытого горизонтальным потолком»..., «причем внутреннее пространство некоторых могло быть разделено горизонтальными настилками на две части и образовывать, таким образом, как бы два отделения или этажа» [Хвойка, 1901, с. 809].

Что же касается «деструктивности огня», или, проще говоря, пожара, то такое предположение высказывали и другие исследователи, но только от механического соединения предположения о «двухэтажных усыпальницах» В.В. Хвойки с «вуликоподібними будинками», сожженными пожаром, реконструируемых С.С. Гамченко, никакой концепции не получается. В то же время В.И. Маркевич первым нашел объяснение основным характерным особенностям остатков трипольских жилищ, а К.В. Зиньковский на этой основе выстроил целую систему доказательств, убедительно показывая применения огня в ритуальных целях.

Некоторые исследователи, придерживающиеся «классической» концепции домостроительства, такие как Т.Г. Мовша, Е.В. Цвек применяют ее именно к исследованным ими поселениям, полагая, однако, что в других местах могли быть двухэтажные дома. Сторонники новой концепции никогда и не отвергали такой возможности [Круц, 2010, с. 75].

Абсолютные противники новой концепции, например В.Г. Збенович и А.Г. Корвин-Пиотровский, в первую очередь, акцентируют внимание на том, что «необходима проверка гипотезы о двухэтажности построек и преднамеренном сожжении жилищ» [Збенович, 1989, с. 77], или новые взгляды регулярно объявляются ими «дискуссионными теориями». В связи с этим нам уже не раз приходилось напоминать, что проверка необходима для любой гипотезы.

А.Г. Корвин-Пиотровский пытался, в свое время, представить сравнительный анализ двух концепций [Колесников, 1990], но вместо этого оперировал отдельными вычлененными из контекста доказательствами фактами, объединяя их в логические комбинации, изначально отсутствующие у авторов.

Несомненно, новая концепция требует дальнейшей разработки и не всегда удовлетворительно объясняет все детали. Однако она убедительно показывает полную несостоятельность старой концепции [Бурдо, 2007]. В связи с этим необходимо четко понимать, что совмещение двух концепций непродуктивно, потому что речь идет не о количестве этажей, а о принципиальной реконструкции постройки и объяснении причины высокотемпературного обжига ее конструктивных деталей и артефактов, а также насыщенности инвентарем [Бурдо, 2003]. Площадки в обеих концепциях признаются остатками глиняной обмазки на деревянных настилах. Однако в соответствии с концепцией Кричевского — Пассек эти настилы были уложены на землю и обожжены кострами, а в соответствии с концепцией Маркевича — Зиньковского они были потолочным перекрытием, уложенным на стены домов, преднамеренно сожженных в ходе ритуала. В интерпретации площадки как пола больше всего сомнений вы-

зывает не его конструкция, которая выглядит вполне правдоподобно, а его обжиг. Невозможность получить высокотемпературный обжиг площадки кострами неоднократно доказана экспериментально [Бурдо, 2007, с. 34—36], а в последние годы и экспериментами румынских археологов [Cotiugă, 2009, с. 322—324]. Кроме того, предположение об укладывании на землю деревянного настила выглядит неубедительно. Тем более, что такой прием не находит аналогий в строительной практике народной архитектуры.

В определенном смысле современные взгляды румынских археологов на реконструкцию построек культуры Кукутень объединяет старую и новую концепции домостроительства трипольской культуры, поскольку кукутенские жилища реконструируются как глинобитные постройки с полом в виде деревянного настила, обмазанного глиной (платформа), сожженные преднамеренно с дополнительной загрузкой топлива в ходе ритуала. Широкомасштабные исследования по экспериментальному моделированию процессов создания и разрушения жилищ культуры Кукутень позволяют утверждать, что залегание, соответствующее кукутенским платформам могло возникнуть только при сожжении домов с полом в виде деревянного настила, обмазанного глиной, уложенного на лежни, то есть, приподнятого над поверхностью земли [Raczky, 1982—83].

Любопытно, что в западной историографии тема сожженных домов в культурах нео-энеолита в последние 30 лет весьма популярна [Burdo, 2011, с. 363—365]. И хотя нигде не встречается таких явных свидетельств преднамеренного сожжения жилищ в виде оплакованных керамических предметов, как в Триполье, очевидность огненных ритуалов в древнеземледельческих культурах Древней Европы уже достаточно давно не вызывает сомнений [Chapman, 1999; Raczky, 1982—83; Stevanovic, 1997]. Однако с трипольскими и даже кукутенскими материалами указанные авторы, как правило, не знакомы, или же знакомы достаточно слабо, не говоря уже о концепциях, объясняющих следы сожжения [Chapman, 1999].

Представляется интересным обратиться к роли личности в изучении проблемы трипольского домостроительства на современном этапе исследования трипольской архитектуры, который, на наш взгляд, следует начинать с 70-х годов XX в., когда новая концепция домостроительства, созданная В.И. Маркевичем и К.В. Зиньковским, нашла отражение в многочисленных полевых исследованиях и публикациях. Как видим, данная концепция трипольского домостроительства достигла почтенного сорокалетнего возраста, и новые личности вносят вклад в изучение этой проблемы.

Совершенствование методики исследования трипольской архитектуры продолжает-

ся в последние годы. Особо следует отметить весьма перспективные попытки изучения строительных материалов путем химико-технологических анализов, фактически впервые осуществленные Н.А. Шевченко по материалам раскопок Э.В. Овчинникова [Шевченко, 2001—2002; Шевченко, 2005; Шевченко, Овчинников, 2003], а также работы, связанные с различными типами моделирования построек [Бурдо, 2011] и новые методики геофизической разведки [Бурдо и др., 2011].

Приведенный выше анализ проблем, связанных с архитектурой Триполья — Кукутень, во-первых, отражает важную роль личностного (или субъективного) фактора в формулировании научных концепций, в данном случае концепций трипольского домостроительства. Во-вторых, он показывает, что эти концепции не могут быть связаны исключительно с личностью одного исследователя, поскольку каждая из них сформулирована на основе разработок нескольких специалистов, то есть является продуктом синтеза идей нескольких личностей. Именно поэтому в названии двух основных конкурирующих концепций трипольского домостроительства используются фамилии двух ученых, сыгравших наиболее важную роль в формулировке и утверждении определенных взглядов.

Тем не менее, несмотря на синтетический характер проанализированных концепций, роль личностного фактора представляется определяющей, поскольку исследования осуществляются конкретными специалистами, обладающими разным кругозором, степенью подготовки, тщательностью подходов, принадлежностью к разной «школам», и, наконец, обладавших разной степенью авторитетности в научной аудитории, а также в различных, исторически сложившихся, условиях.

Представляется, что именно взаимодействие разных специалистов наиболее продуктивно для создания новых концепций, а личностный фактор в изучении проблем трипольского домостроительства выступает необходимой составляющей во взаимодействии коллективов исследователей.

Бурдо Н.Б. Сакральный аспект архитектуры трипольских протогородов / Н.Б. Бурдо // Трипільські поселення-гіганти. Матеріали міжнародної конференції. — К., 2003. — С. 18—21.

Бурдо Н.Б. Методика исследования архитектуры протогородов трипольской культуры / Н.Б. Бурдо // Трипільські поселення-гіганти. Матеріали міжнародної конференції. — К., 2003а. — С.

Бурдо Н.Б. В.В. Хвойко і дослідження трипільської цивілізації / Н.Б. Бурдо // Дослідження трипільської цивілізації у науковій спадщині археолога Вікентія Хвойки. — К., 2006. — Т. II. — С. 7—27.

Бурдо Н.Б. Реконструкція будівель трипільської культури. Методика та концепції / Н.Б. Бурдо // Трипільська культура. Пошуки, відкриття, світовий

контекст. До 100-річчя із дня народження О. Ольжича. — К., 2007. — С. 29—45.

Бурдо Н.Б. Реконструкция жилищ и поселений трипольской культуры: от рисунков В. Хвойки до 3D моделирования / Н.Б. Бурдо // Археологія: від джерел до реконструкцій. — К., 2011. — С. 38—52. — (Археологія і давня історія України. Вип. 5.)

Бурдо Н. Широкомасштабная геомагнитная съемка в Майданецком: современные технические решения в изучении феномена трипольских мега-поселений / Н. Бурдо, М. Видейко, В. Чабанюк, К. Рассман, Р. Гаусс, Ф. Лютц, Д. Петерс // *Stratum plus.* — 2012 — № 2. — С. 265—286.

Відейко М.Ю. Давні поселення України. Альбом археологічних джерел та реконструкцій / М.Ю. Відейко. — К., 2000.

Відейко М.Ю. Трипільські протоміста. Історія досліджень / М.Ю. Відейко. — К., 2002. — 140 с.

Відейко М.Ю. Споруди трипільської культури / М.Ю. Відейко // Енциклопедія трипільської цивілізації. — Т. I. — К., 2004. — С. 315—342.

Відейко М.Ю. Трипільська експедиція Інституту історії матеріальної культури / М.Ю. Відейко // Енциклопедія трипільської цивілізації. — Т. II. — К., 2004а. — С. 541.

Дергачов В.О. Молдавська експедиція / В.О. Дергачов // Енциклопедія трипільської цивілізації. — Т. II. — К., 2004. — С. 352—353.

Збенович В.Г. Перспективи і задачі дослідження трипольської культури / В.Г. Збенович // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР: Тези доповідей. — К., 1989. — С. 75—77.

Зиньковский К.В. Трипольские площадки и их интерпретация / К.В. Зиньковский // Тез. докл. на секциях [плenums], посвященных итогам полевых исследований 1971 г. — М., 1972. — С. 55.

Зиньковский К.В. Новые данные к реконструкции трипольских жилищ / К.В. Зиньковский // СА. — 1973. — № 1. — С. 137—149.

Зиньковский К.В. До проблеми трипільського житлобудування / К.В. Зиньковский // Археологія. — 1975. — Вип. 15. — С. 13—22.

Зиньковский К.В. О методах изучения домостроительства племен трипольской культуры / К.В. Зиньковский // Материалы по археологии Северного Причерноморья. — Одесса, 1976. — Вып. 8. — С. 36—49.

Зиньковский К.В. Значение моделирования в исследовании остатков построек на поселениях трипольской культуры / К.В. Зиньковский // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. — К., 1982. — С. 19—32.

Зиньковский К.В. К процедуре исследования проблемы домостроительства трипольских племен / К.В. Зиньковский // Материалы по археологии Северного Причерноморья. — К., 1983. — С. 16—22.

Зиньковский К.В. К итогам комплексного исследования трипольских памятников / К.В. Зиньковский // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине: Тез. докл. I полевого семинара. — Тальянки—Веселый Кут—Майданецкое, 1990. — С. 73—76.

Колесников А.Г. Трипольское домостроительство — анализ основных концепций / А.Г. Колесников // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине: Тез. докл. I полевого семинара. — Тальянки—Веселый Кут—Майданецкое, 1990. — С. 52—57.

Кричевский Е.Ю. Розкопки на Коломищині і проблема трипільських площадок / Е.Ю. Кричевський // Трипільська культура. — К., 1940. — Т. 1. — С. 479—592.

- Круц В.А. Поселение-гигант Тальянки / В.А. Круц // Трипольская культура в Украине. Поселение-гигант Тальянки. Киев, 2008. — С. 49—70.
- Маркевич В.И. Трипольское поселение Варваровка VIII / В.И. Маркевич // Тезисы докладов Первого симпозиума по археологии и этнографии ЮЗ СССР. — Кишинев, 1964. — С. 15—16.
- Маркевич В.И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции / В.И. Маркевич // Археологические открытия 1969 года. — М., 1970. — С. 348—349.
- Маркевич В.И. Итоги полевых работ, произведенных в 1969 г. Молдавской неолитической экспедицией / В.И. Маркевич // Археологические исследования в Молдавии. — Кишинев, 1972. — С. 49—64.
- Маркевич В.И. Исследования Молдавской неолитической экспедиции в 1970—1971 гг. / В.И. Маркевич // Археологические исследования в Молдавии 1970-1971 гг. — Кишинев, 1973. — С. 52—78.
- Маркевич В.И. Позднетрипольские племена Северной Молдавии / В.И. Маркевич. — Кишинев, 1981. — 194 с.
- Маркевич В.И. Домостроительство племен культуры Триполье — Кукутень / В.И. Маркевич // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине: Тез. докл. I полевого семинара. — Тальянки—Веселый Кут—Майданецкое, 1990. — С. 47—51.
- Маркевич В.И. Исследование памятников трипольской культуры на территории Молдавии / В.И. Маркевич, Е.К. Черныш // Археологические открытия 1975 года. — М., 1976. — С. 471—472.
- Радієвська Т.М. Трипільська культура у науковому доробку Хведора Вовка / Т.М. Радієвська // Національний музей історії України. — К., 2011. — С. 215—224.
- Рижов С.М. Трипільський шар поселення Ріпниця I / С.М. Рижов // Ржищівський археодром: Археологічні дослідження та експериментальні студії 2000—2001 років. — К., 2002. — С. 19—40.
- Рижов С.М. Археологічні розкопки двошарового поселення Ріпниця 1 / С.М. Рижов, Б.В. Магомедов, В.О. Шумова // Ржищівський археодром — 2: Дослідження, конференції та експериментальні студії 2002—2004. — К., 2004. — С. 54—92.
- Черныш Е.К. Трипольское поселение Раковец / Е.К. Черныш // КСИА АН СССР. — М., 1973. — Вып. 134. — С. 48—57.
- Черныш Е.К. Энеолит правобережной Украины и Молдавии / Е.К. Черныш // Энеолит СССР. — М., 1982. — С. 165—252.
- Черныш Е.К. Относительно методики раскопок трипольских поселений / Е.К. Черныш // Раннеземледельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине: Тез. докл. I полевого семинара. — Тальянки—Веселый Кут—Майданецкое, 1990. — С. 38—40.
- Черныш Е.К. Итоги работ Молдавской экспедиции / Е.К. Черныш, Г.В. Григорьев, Т.А. Попова, К.В. Зиньковский // Археологические открытия 1969 года. — М., 1970. — С. 347—348.
- Черняков І.Т. Зіньковський Костянтин Володимирович / І.Т. Черняков // Енциклопедія трипільської цивілізації. — Т. II. — К., 2004. — С. 185—186.
- Шевченко Н.А. Исследование вещественного состава строительных материалов и керамики из гончарной печи трипольского поселения х. Незаможник методом минералого-петрографического анализа / Н.А. Шевченко // Stratum plus. — 2001—2002. — № 2. — С. 275—296.
- Шевченко Н.А. Минералого-петрографическое исследование материалов из раскопок 2002—2004 гг. на поселении трипольской культуры у с. Тальянки / Н.А. Шевченко, Э.В. Овчинников // Исследование поселений-гигантов трипольской культуры. — К., 2005. — С. 94—105.
- Шевченко Н.А. Строительные материалы и конструктивные элементы в трипольском домостроительстве / Н.А. Шевченко, Э.В. Овчинников // Трипільські поселення-гіганти. — К., 2003. — С. 194—198.
- Шмаглий Н.М. Майданецкое — трипольский протогород / Н.М. Шмаглий, М.Ю. Видейко // Stratum plus. — 2001—2002. — № 2. — С. 44—140.
- Шмаглий М.М. Про комплексне вивчення трипільських поселень / М.М. Шмаглий, В.П. Дудкін, К.В. Зіньковський // Археологія. — 1973. — Вип. 10. — С. 23—31.
- Burdo N. Late Neolithics cultural elements from the Danube and Carpathian regions of Precucuteni — Trypillia A culture / N. Burdo // Documenta Praehistorica. — XXXVIII. — Ljubljana, 2011. — P. 357—382.
- Chapman J. Burning the ancestors: deliberate housefiring in Balkan Prehistory / J. Chapman // Glifer och Arkeologiska Rumen Vanbok till Jari Nordbland. Institut of Archaeology. — Gothendurg, 1999. — P. 113—126.
- Cotiugă V. Experimental arhaeologi: the burning of the chalithic dwellings / V. Cotiugă // Itinera in praehistoria. Studia in honorem maistri Nicolae Ursulescu. — Iași, 2009. — P. 303—342.
- Raczky P. Origins of the custom of burying the dead houses in Sous-Iast Europe / P. Raczky // Szolnok Megyei Muzeume Evkonyv. — 1982—83. — P. 5—10.
- Stevanovic M. The age of clay. The social dynamic of house construction M. Stevanovic // Journal of Anthropological Arhaeology. — 1997. — 16. — P. 334—395.

Н. Б. Бурдо

ФАКТОР ОСОБИСТОСТІ У ДОСЛІДЖЕННІ ПРОБЛЕМИ ТРИПІЛЬСЬКОГО ДОМОБУДУВАННЯ

Значимість особистості вченого, його науковий авторитет завжди мають велике значення для впровадження у наукових колах висунутих ним ідей. Особливо чітко це простежується внаслідок аналізу історіографії з проблеми трипільського домобудування, у якій ключове місце займають способи інтерпретації будівельних решток — так званих площадок. У цій дискусії, що триває останні сто років, взяли участь як дуже відомі в археології, так й майже забуті особистості.

Перші спроби пояснити призначення та способи реконструкції площадок належать дослідникам кінця XIX — початку XX ст. Вони мали загальний характер та не могли бути визнані задовільними.

З 30-х років XX ст. у радянській науці панувала концепція домобудування Трипільля, розроблена Є.Ю. Кривчевським і Т.С. Пассек. Відповідно до цієї концепції площадки розглядалися як рештки глиняної обмазки підлоги будівель зробленої з дерев'яного настилу з нашаруваннями глини та обпаленого для міцності вогнищами під час будівництва.

На рубежі 60—70-х років ХХ ст. формується нова концепція трипільського домобудування. В основі її лежить ідея В.І. Маркевича про те, що площадки — це залишки перекриття з дерева, обмазаного глиною, що спиралося на стіни будівлі, спаленої у ритуальній пожежі. Висловлена В.І. Маркевичем ідея була підтримана К.К. Черниш і розвинута у дослідженнях К.В. Зінковського. Саме остання особистість сприяла утвердженню та розвиненню нових поглядів на домобудування серед науковців в Україні.

Очевидно, що особистий, або суб'єктивний фактор відіграв не аби яку роль у з'ясуванні проблем, пов'язаних з архітектурою Трипілья — Кукутень. Втім висловлені концепції виявилися результатом синтезу думок кількох дослідників, тому недоцільно пов'язувати їх якоюсь конкретною особистістю, що й знайшло відображення у назвах двох головних конкуруючих концепцій — Кричевського — Пассек і Маркевича — Зінковського.

Здається, що саме взаємодія різних фахівців найбільш продуктивна для створення нових концепцій, втім фактор особистості у вивченні проблеми трипільського домобудування виступає як необхідна складова у взаємодії колективів дослідників.

N. Burdo

THE PERSONAL FACTOR
AT RESEARCHING
TRYPILLIA CULTURE
ARCHITECTURE

The scientist's personality and his authority is important for the spreading of own ideas. The author shows it on example of the architecture of Trypillia

Culture studies. The key place at this field is holded by interpretations of the house remains, — so called «ploschadki». The scientific discussion about mentioned remains continues for more than 130 years involving a lot of well-known scientists.

The first steps at explanations of this remains attaeared at the end of XIX — beginning of XX th centuries. They had general character and were not satisfactory.

From the 30-th of XXth century at soviet archaeology dominated

Conception, developed by E.Yu. Krychevsky and T.S. Passek. «Ploschadki» were considered to be remains of the floors of houses, which based on wooden platform, plastered by clay and burnt at process of creation.

At the border of 60—70th appeared the new conception. It was based on idea, which belonged to V.I. Markevich, that «ploschadki» represented the remains of the ceiling, which based on the walls of house and was burnt at ritual conflagration. This idea was supported after 1964 by K.K. Chernysh (who belonged to school of T.S. Passek) and developed at 70th by K.V. Zinkovsky. The last become a key person in spreading of the new ideas at field of Trypillia Culture architecture at Ukraine.

It is obviously that the personal or subjective factor played an important part at this process. At he same time all mentioned above two main conceptions appeared as the synthesis of the ideas of few scientists, which reflected at its names: conception of Krychevsky — Passek or Markevich — Zinkovsky.

The interaction between scientists (or groups of scientists) are more fruitful for new conceptions creation in Trypillia Culture architecture study, but at the same time the personal factor remained the indispensable component of this process.